Колбин

1917 г.

в

Кронштадте

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИЗО
К632

ГИЗО
К632

Воспоминания Старого Большевика

И. КОЛБИН

17-й ГОД В КРОНШТАДТЕ

★

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ • 1930

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ и Ф. КОНА

ГИЗО
К 632 Р

И. КОЛБИН

1917 ГОД В КРОНШТАДТЕ

1 экз.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1 9 3 0

К.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

К—60

Революционное движение

ГИЗО / К632 Р

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

860 / 1930

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ
„РАБОЧИЙ ЛЕНИНЕЦ“
ИЗД-ВА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
МОСКВА, Б. ВУЗОВСКИЙ, 1.
ГЛАВЛИТ № А 80649
ТИРАЖ 10.155.
ЗАКАЗ № 1573
МГ 5150

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Марксизма-Ленинизма
при ЦК КПСС

861921

СОДЕРЖАНИЕ

I. Подготовка к Февралю 5
II. Февральская революция 9
III. Большевики за работой 17
IV. Июльские события 30
V. В борьбе за власть Советов, против корниловщины 45
VI. Подготовка к Октябрю 51
VII. Октябрьская революция 66

I. ПОДГОТОВКА К ФЕВРАЛЮ

Империалистическая война и в связи с ней развитие большой судостроительной программы принудило царское правительство к более радикальному средству в методах комплектования флота: пришлось вместо здоровых телосложением и менее поддающихся революционной пропаганде деревенских парней брать городскую рабочую молодежь. Она была более квалифицированной и быстро усваивала все специальные морские знания, но в то же время рабочая молодежь призыва 1914 г. и последующих годов успела пройти революционную школу; она участвовала в стачечном движении 1912-14 гг., и пришла во флот уже с некоторыми революционными навыками. Это обстоятельство резко изменило картину в настроениях молодых моряков. Раньше молодые моряки, большей частью из среды крестьян, были более надежным элементом и послушным орудием в руках господ офицеров. Теперь же они, на ряду с призванными во флот запасными, стали самым бурливым и неспокойным элементом.

Вспоминая настроение молодых моряков во 2-м Балтийском флотском экипаже в Петрограде в зиму 1915 г., я постараюсь дать отдельные моменты из

жизни нашей роты. В первые же дни нашего пребывания в экипаже (на Васильевском острове, в Дерябинских казармах, где до войны была тюрьма) начались столкновения молодых моряков с фельдфебелем. Во время чтения молитвы вместо слов «но избави нас от лукавого» обычно пели «но избави нас от фельдфебеля». Это приводило его в бешенство; он неоднократно после молитвы выстраивал роту во фронт и опрашивал всех, требуя, чтобы сообщили кто так поет молитву, но все как один неизменно отвечали, что не слышали. Тогда фельдфебель начинал кричать, ругаться последними словами и топать ногами. Его излюбленными словами было: «Хулиганы, забастовщики, ведь вы почти все арестанты и давно знакомы с этой тюрьмой». Отчасти он был прав, так как действительно многие из петроградских ребят сидели в Дерябинской тюрьме за участие в забастовочном движении 13 и 14 годов.

Несмотря на драконовскую дисциплину в экипаже, мы не порывали связи с питерскими рабочими, примером чего могу привести следующее событие.

Зимою 1915 г. в связи с судом над депутатами-большевиками Государственной думы по ряду питерских заводов прокатилась волна забастовок протеста. Это быстро отразилось на настроении наших молодых моряков, несмотря на то, что начальство всячески старалось нас изолировать от внешнего мира, выставив везде удвоенный караул, не пропуская в казарму газет, прекратив свидания и т. д. Однако эта изоляция не помогла: мы на второй день узнали о начавшихся забастовках, атмосфера среди нас бы-

стро накалилась, и нужен был только случай, чтобы произошел разряд. Такой случай скоро представился.

Нашу роту выгнали на двор скалывать лед незадолго до вечернего отбоя, т. е. сигнала к окончанию работ. Мы спокойно проработали полчаса, затем услышали отбой. Через несколько минут горнист заиграл на ужин: наша рота должна была итти ужинать в первую очередь; но завхоз стал ругаться, заставляя продолжать работу; тогда мы быстро решили забастовать, т. е. бросить инструменты и уйти с работы. Это решение было исполнено как по команде. Мы немедленно ушли в казарму и без всякого строя пошли ужинать. Такой оборот дела был настолько неожиданным для фельдфебеля и взводного командира, что они растерялись и в первый момент не знали, как реагировать на это. Быстрее всех сообразил кондуктор, заведывавший хозяйственной частью. Он немедленно побежал в ново-морские казармы к батальонному командиру, подполковнику Федотьеву, и доложил о случившемся. Когда мы после ужина вернулись в свою казарму, все начальство было уже в сборе. Нас выстроили развернутым фронтом, и ротный командир лейтенант Григорьев, весь багрово-красный, прошел по фронту, поздоровался с нами, но ничего не сказал.

Через несколько минут явился батальонный, который ограничился легкой нотацией. Приблизительно через полчаса явился командир экипажа генерал-майор Гирс, который, не здороваясь с нами, затопал ногами, затем, бегая по фронту, начал извергать всевозможные ругательства и в конце-концов заявил, что нас всех выгонят на лед и рас-

стреляют, после чего он, не выслушав от нас ни единого звука оправдания, уехал.

Конечно, угроза, что нас выведут на лед и расстреляют, никого не испугала, наоборот, после этого случая взводные и отделенные командиры, которые в большинстве случаев были из запасных, стали к нам относиться с большим уважением и после этого случая грубого обращения не наблюдалось.

Итак, призвав во флот фабрично-заводскую молодежь, царское правительство совершило непоправимую ошибку, революционизировав и без того мягежный флот. Классовый состав его, в особенности Балтийского флота, был резко выявлен с первых жедней Февральской революции. Балтийский флот, и в особенности его кронштадтская база, сделался верным оплотом большевизма.

Развитие революционного движения в конце 1916 и в начале 1917 гг. на фабриках и заводах не замедлило перебросится на корабли и казармы Балтийского флота. На кораблях и в казармах это революционное движение нашло свое выражение в форме голодных бунтов, отказа от принятия пищи в виде протеста против плохого питания и грубого обращения. В Кронштадте, например, в связи с начавшимся протестом против разгона Государственной думы в середине февраля была проведена кампания демонстративного отказа от принятия пищи. Это привело к тому, что адмирал Вирен при помощи провокаторов готовился бросить в тюрьму около двухсот моряков, но революция помешала ему привести свой план в исполнение.

II. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В 20-х числах февраля охранка произвела в Кронштадте ряд арестов. У нас в 6-й роте минного отряда был арестован мой друг Федя Сорокин. Дело было так: среди ночи я услышал звон шпор и разговор около моей койки; кто-то спрашивал:—Этот—ткнув в мою койку. Я открыл глаза и увидел у себя в ногах двух жандармов, одного офицера, ад'ютанта начальника минного отряда мичмана Сазонова и дежурного фельдфебеля, а впереди всех стоял испуганный дневальный, к которому, оказывается, и обращался дежурный фельдфебель. Увидев всю эту кампанию, я решил, что пришли меня арестовать, а посему поднялся и сел на постели. Но в это время дневальный указав на моего соседа Сорокина, сказал «Вот этот». Тогда ко мне подошел жандарм и со словами: «Ложись, ложись» стал накрывать меня одеялом. Я понял, что охранники не хотят, чтобы я был свидетелем их операции, и поспешил забраться под одеяло, однако одним глазом я стал наблюдать в щелочку за тем, что они будут делать.

Они разбудили Сорокина и приказали ему одеваться, а тем временем занялись осмотром его вещей. Не найдя ничего в вещах, они спросили: «Чей это шкапчик?» на что им Сорокин ответил: «Мой и Колбина». Тогда один из жандармов подошел к шкапчику и стал просматривать мои книги — учебники. В одной из этих книг была у меня заложена тоненькая нелегальная брошюрка Либкнехта «Пауки и мухи», и у меня душа ушла в пятки от страха, что вот-вот он ее найдет. Но мои опасения оказались напрасны: посмотрев две верхних книжки, жандарм, увидев на них штемпель ротного командира, спросил у Сорокина: —Чьи это книги? — и, получив ответ:—Это книги моего соседа,—жандарм закрыл шкапчик. К этому времени Сорокин уже оделся, и обыск был закончен; жандармы увели Сорокина в следственную тюрьму.

Вскоре после его ареста были получены из Питера листовки, и приехавшие ребята рассказывали, что в Питере 23 февраля была грандиозная женская демонстрация, что женщины пели революционные песни и ходили с красным флагом, казаки же не разгоняли демонстрантов, а смотрели и посмеивались. В это время у нас в минно-машинной школе происходили экзамены, и так как через несколько дней ребята должны были поехать на корабли действующего флота, то весть о начинающейся революции всех взбудораживала. В классах открыто началось обсуждение вопроса о войне и революции. В казарме стали собираться кучками и горячо спорить на различные темы.

Начальство почему-то не показывалось, даже фельдфебель, и тот не разгонял митингующих, а только

издалека посматривал, как бы не накрыло начальство.

26-го мы уже твердо знали, что в Петрограде началась революция. После обеда больше половины учеников вместо того чтобы пойти на занятия разбрелись по Кронштадту. Была установлена связь с рабочими и солдатами. На следующий день мы услышали орудийные выстрелы со стороны Ораниенбаума, которые говорили нам, что очередь за Кронштадтом. Вечером того же дня было устроено совещание военной организации, где было решено начать открытую агитацию за выступление, намеченное на завтрашний вечер. 28-го на занятия не пошли. Ночью было получено из Питера воззвание Петроградского совета рабочих депутатов и манифест ЦК большевиков с призывом к образованию Временного революционного правительства. Стало известно, что петроградский гарнизон открыто выступил на борьбу с самодержавием и что царские министры арестованы.

Весь день прошел в сплошном митинге. Моряки с жадностью прочитывали каждую листовку и горячо обсуждали создавшееся положение. Все считали, что нужно выступать сегодня же, ждать больше нечего. Рабочие пароходного завода забастовали и пригласили к себе адмирала Вирена, потребовав от него объяснения того, что происходит в Петрограде. Вирен заявил, что он с рабочими в стенах завода говорить не желает, а приглашает их завтра на Якорную площадь. В этот же день Вирен созвал совещание командного состава флота и крепости.

На этом совещании на вопрос Вирена о том, пойдет ли кронштадтский гарнизон на подавление революции в Петроград, все офицеры ответили:—Нет! Солдаты и матросы наоборот присоединятся к восставшим рабочим. Однако несмотря на такой ответ, адмирал Вирен и комендант крепости адмирал Курош распорядились установить пулеметы вокруг Якорной площади на тот случай, если на следующий день туда соберутся рабочие. Но выполнить свой коварный замысел господину Вирену не удалось, так как на следующий день, еще до восхода солнца, он был сам расстрелян на этой площади.

В 7 часов вечера я организовал в своей роте митинг, на котором присутствовали товарищи и из других рот. Я передал решение военной организации о том, что в 9 часов вечера, в момент вечерней поверки, надо начать выступление. Было предложено разобрать заблаговременно шинели и винтовки, чтобы сразу всем одеться и по сигналу выйти на улицу. О готовящихся событиях стало известно начальству, и на поверку к нам в роту явились помощник начальника берегового отряда лейтенант Скрыдлов и наш ротный командир подпоручик Ребров. Наступил момент поверки; все с напряжением стали ожидать развязки.

Дежурный, как всегда, дал сигнал строиться на молитву. Все быстро построились, фельдфебель произвел перекличку, «нетчиков» не оказалось. Ротный командир подал команду: «петь молитву». Все молчат. Тогда фельдфебель затянул «Боже, царя храни», но его голос быстро оборвался, так как в рядах

раздался легкий смех. Вслед за этим они уже вдвоем с ротным командиром запели «Спаси, господи, люди твоя», но и на сей раз их голоса оборвались, не получив поддержки. Лейтенант Скрыдлов, сильно волнуясь, вышел на середину строя и спросил: «В чем дело?» В ответ на его вопрос я заявил: «Если матросы и солдаты отказались спасать царя, то бог его не спасет, поэтому мы не желаем больше петь царский гимн и молитву; наш сегодняшний гимн: долой самодержавие! Да здравствует революция!» Эти мои последние слова были подхвачены тремя сотнями товарищей, и с возгласом «Да здравствует революция!» все бросились к шинелям и винтовкам. В это время раздался условный сигнал о начале выступления, и мы стали выходить на двор.

Около канцелярии отряда мы были встречены дежурным офицером, который, угрожая револьвером, стал требовать, чтобы мы вернулись в свою роту. Кто-то из товарищей ударил его прикладом в грудь, и он скатился вниз по лестнице, где был окончательно смят выходившими на улицу моряками. Сняли часового у цейхгауза, набили полные карманы патронами и стали выстраиваться на дворе. Вдруг морозный воздух огласился звуками «Марсельезы»,— это играл духовой оркестр пехотного полка, выходившего на улицу. Мы с Кавыциным и Павловым запели «Смело, товарищи, в ногу». Но голос дрожит, нервы взвинчены до отказа: вспомнились 13-й и 14-й годы, когда казаки хлестали плетьми и солдаты щелкали затворами, в то время как мы выходили из завода на демонстрацию; нахлынули эти воспоми-

нания, и слезы радости заблестели на глазах. На Павловской улице мы встретились с солдатами крепостного полка, обменялись приветствиями, и над тихим притаившимся Кронштадтом раздалось тысячеголосое «ура».

Во 2-м Балтийском флотском экипаже не хотели открывать ворот. В глубине двора стояли молодые моряки, которых приготовили для усмирения старых. Но под дружным напором наших ребят ворота с треском раскрылись, и с криком «ура» наш отряд бросился во двор экипажа. Раздался залп — это, оказывается, стреляли господа офицеры из окон штаба экипажа; несколько человек было ранено. Быстро расправились со стрелявшими офицерами, и 1-й Балтийский флотский экипаж присоединился к восставшим.

Покончив с экипажем, мы пошли к казармам 2-го крепостного артиллерийского полка. Оттуда навстречу нам вышел весь полк в полном составе, со всеми офицерами, во главе с командиром полка, с полковым знаменем и оркестром. Соединившись с полком, все направились в военную гавань к стоявшим там учебным кораблям минного отряда. Проходя по Николаевскому проспекту, мы увидели пылающую в огне охранку. Это наверное было дело рук самих охранников, хотевших замести следы своей гнусной работы. В Кронштадте было свыше 300 человек шпиков, были они и среди рабочих, солдат, матросов и офицеров. Из этого числа было выявлено не больше трех десятков, остальные же сумели замести следы и скрыться.

На посту при входе в военную гавань мы за всю ночь впервые встретили представителя свергнутой власти — жандарма, который безропотно сдал нам свое оружие.

После присоединения к нам судовых команд, мы направились в морской манеж на митинг. Там к этому времени собралось несколько тысяч солдат, матросов и рабочих. На митинге был создан революционный комитет движения и избраны представители в Петроградский совет. По окончании митинга вся собравшаяся масса солдат, матросов рабочих, в количестве свыше 30 тысяч человек, направилась к дому главного командира, адмирала Вирена. Подойдя к зданию, сняли стоявший там караул и пригласили адмирала Вирена выйти к собравшимся рабочим, солдатам и матросам. Через несколько минут Вирен появился у парадного под'езда. Выйдя на панель, он окинул привычным взглядом собравшихся и, увидев преобладающую массу солдат и матросов, скомандовал «Смирно».

В ответ на это раздался смех, и кто-то из рабочих иронически сказал: «Ваше превосходительство, вы вчера приглашали нас на Якорную площадь, но мы сегодня пришли за вами сами. Извините, что немного рановато, но что делать — нам надоело ждать». Адмирал Вирен сразу как-то с'ежился, стал маленьким, таким незаметным, ничтожным. Ему предложили снять погоны и следовать на Якорную площадь.

К утру 1 марта весь Кронштадт присоединился к революции, и из всего города и казарм в руках врагов народа остался только один дом на Козьем болоте

(дом Голубева), где засели городовые и охранники. Однако к 12 час. дня после артиллерийского обстрела дом Голубева был взят, и оставшиеся в живых городовые и охранники сдались.

Когда выяснилось, что инженерное училище не присоединилось к революции, было решено разоружить гардемарин и предложить им выявить свое отношение к революции. К зданию училища была подведена батарея, и к ним послана делегация. Увидев пушки, наведенные на окна училища, и боевые колонны матросов, гардемарины немедленно вышли на улицу и сдали свое оружие. Этим был закончен первый этап революции в Кронштадте. От рук полиции погибло 7 человек, которые были торжественно похоронены на Якорной площади. Учитывая ошибки революции 1905-06 гг., революционные моряки установили образцовый порядок в городе, уничтожив все питейные заведения и склады спиртных напитков.

III. БОЛЬШЕВИКИ ЗА РАБОТОЙ

Вначале наша партия не имела своего комитета в Кронштадте, и потребовалось 4 дня, чтобы его создать учтя все имеющиеся силы. Революция освободила из тюрьмы тт.. Ульянцева, Сладкова, Паленова и других. Из Питера приехали тт. Рошаль и Орлов, и 4 марта был создан комитет Российской социал-демократической партии (большевиков), куда вошли еще тт. Колбин, П. И. Смирнов, Ф. Ф. Раскольников и др.

На первое время наш партийный комитет поместился в здании управления коменданта города, с тем чтобы быть в непосредственной близости к морским казармам. Было очевидно, что революция победила в первом этапе своего развития, и нужно было углублять работу, внедрять идеи большевизма в широкие массы матросов, солдат и рабочих. Перед нашей партийной организацией встала серьезная задача охватить эти массы и повести их за собой к новым боям.

Для охвата широких рабочих, матросских и солдатских масс требовался печатный орган, нужна была своя кронштадтская большевистская газета. Мы ко-

Ин-та Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС

мандировали своих товарищей в Питер с тем, чтобы просить петроградский комитет дать нам товарища, который мог бы редактировать газету. К нам командировали Петра Ивановича Смирнова, который и приступил к подготовке выпуска газеты. 15 марта вышел первый номер «Голоса Правды». Газета быстро приобрела широкую популярность среди рабочих, матросов и солдат. С мест от рабочих, судовых и береговых команд моряков стали поступать денежные средства в ее фонд, и она стала любимой газетой широких пролетарских масс. Это обстоятельство не понравилось примазавшимся к революции господам Красовским и Животовским, которые повели агитацию против нашей газеты и нашей партии.

10 марта Временное правительство предложило кронштадтскому гарнизону и судам присягнуть в верности Временному правительству. В ответ на это кронштадтский совет послал 12 марта следующую телеграмму:

«Свободному народу присягать не нужно. Не народ должен дать присягу верности Временному правительству, а Временное правительство народу».

Это был первый шаг революционного Кронштадта в борьбе за пролетарскую революцию.

17 марта в Кронштадт приехал Ф. Ф. Раскольников. Он стал руководителем нашей организации и был гордостью кронштадтцев. Молодой, энергичный и пламенный оратор, Федор Федорович будил революционную энергию моряков, он зажигал их огнем революции, и моряки любили своего вождя.

23 марта, в день похорон жертв революции в Петрограде, в Кронштадте был устроен парад войскам.

После парада матросы, солдаты и рабочие собрались к зданию комитета и под его знаменем прошли по городу, а затем собрались в морской манеж, где двадцать тысяч матросов, солдат и рабочих приняли резолюцию большевиков. Через три дня в том же манеже кронштадтские женщины на своем митинге заявили в резолюции, что «женщины-работницы будут бороться вместе с рабочим классом не только за демократическую свободу, но и за полное уничтожение капиталистического строя, за диктатуру пролетариата и за социализм».

31 марта на заседании Исполнительного комитета по докладу члена фракции большевиков тов. А. М. Любовича было принято постановление о демократизации армии и флота, предложенное фракцией большевиков.

Дабы обезвредить контрреволюционные элементы, матросы и солдаты изолировали всех ненадежных офицеров, заключив их в кронштадтскую следственную тюрьму.

В связи с этим к господину министру юстиции Керенскому посыпались жалобы на невыносимые условия, в которых находятся господа офицеры, и «социалистический» министр прислал в Кронштадт прокурора Переверзева, который от имени Временного правительства поставил следственной комиссии по разбору офицерских дел следующие условия:

1) производить предварительное следствие только по тем делам арестованных офицеров, против которых имеются обвинения;

2) препровождать в Государственную думу всех арестованных офицеров, против которых нет определенных обвинений, но которых не принимает команда;

3) освободить тех, против которых нет обвинений и которых команда согласна принять в свою часть.

Конечно, эти условия были вполне приемлемы, так как они предоставляли Кронштадтскому совету такое право, которого официально не имел ни один совет, а посему Исполнительный комитет принял эти условия, что в значительной мере облегчило работу следственной комиссии, ускорило разгрузку тюрем и опровергло нелепые слухи о том, что в тюрьме якобы издеваются над арестованными.

Однако темные силы реакции уже учуяли революционный дух Кронштадта, и вокруг него стали распространяться самые нелепые слухи. Это обстоятельство, с одной стороны, и революционная деятельность Кронштадта, с другой, обратили на себя внимание фронта, и в Кронштадт началось паломничество различных делегаций из действующих армий. Первой прибыла в Кронштадт делегация от 1-й армии (2 апреля).

Вместе с тем Кронштадтом заинтересовались не только солдаты, но и генералы. 5 апреля прибыл командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов. К великому огорчению генерала, ему не было оказано тех почестей, которые оказывались солдатам. Несмотря на его высокое положение, Корнилову пришлось пешком прогуляться с пристани на Якорную площадь на митинг. Там он заявил, что верой и правдой служит революции. Во время речи

Корнилова на трибуну вышел матрос тов. Павлов и предложил генералу Корнилову дать клятвенное обещание перед собравшимися в том, что он не изменит революции. Генерал Корнилов лицемерно опустился на колени перед морским собором и всенародно произнес свое клятвенное обещание, которое он, конечно, не замедлил нарушить сейчас же: через две недели им был отдан приказ стрелять в питерских рабочих, вышедших на демонстрацию 21 апреля.

На следующий день вслед за Корниловым в Кронштадт пожаловала эсеровская «богородица» Брешко-Брешковская, перед которой кронштадтские эсеры и меньшевики рассыпались мелким бесом.

Приезд Брешко-Брешковской и генерала Корнилова не мог усыпить бдительности кронштадтцев по отношению к действиям Временного правительства. Примером настороженности кронштадтцев может служить инцидент с капитаном Альмквистом. Следственная комиссия, рассмотрев дело капитана Альмквиста, не нашла против него достаточных обвинений, которые могли бы служить основанием для дальнейшего содержания в тюрьме, а посему решила его освободить и направить в распоряжение Государственной думы. Капитан Альмквист без конвоя, с одной только препроводительной бумажкой, был направлен в Петроград. На пристани Альмквиста увидели гуляющие солдаты той части, в которой он служил, и, не зная ничего о его освобождении, решили, что он убежал из тюрьмы. Солдаты сейчас же взбудоражили публику и немедленно арестовали Альмквиста. Когда капитан Альмквист стал ссылаться

на решение следственной комиссии, то громаднейшая толпа солдат и рабочих, окружив его, направилась к совету и стала требовать отставки следственной комиссии.

В результате этой истории Исполнительный комитет постановил 14 апреля реорганизовать следственную комиссию.

К этому времени назревали уже новые события. Появилась в свет знаменитая нота Милюкова к союзникам от 18 апреля, и Кронштадтский совет 21 апреля в связи с этой нотой принял эсеровскую резолюцию. Это решение вызвало резкий протест на местах. Матросы, солдаты и рабочие, узнав о ноте и решении совета, стали со всех концов города стекаться к комитету нашей партии, где и собралось до шести тысяч человек. На организованном здесь митинге была принята следующая резолюция:

«Принимая во внимание, что Временное правительство своей нотой от 18 апреля бросило вызов всему пролетариату и становится на путь контрреволюции, необходимо всеми силами бороться за свержение Временного правительства и за переход всей власти в руки советов».

Аналогичная резолюция была принята на митинге рабочих пароходного завода.

По окончании митинга вся собравшаяся масса матросов, солдат и рабочих продемонстрировала по городу с плакатами: «Долой Временное правительство! Долой тайные договоры! Да здравствует мир без аннексий и контрибуций!»

Затем подошли к совету, где к демонстрантам подъехал на автомобиле Семен Григорьевич Рошаль, который ничего не знал о решении совета и о целях демонстрации. По нашей просьбе он как член комитета партии большевиков выступил с речью перед демонстрантами. Меньшевики и эсеры, неудачно выступившие на том же митинге и желавшие избавиться от такого прекрасного полемиста, каким был Рошаль, решили использовать его выступление, обвинив его в нарушении постановления исполкома. Исполком постановил исключить тов. Рошаля из исполкома, и это постановление, несмотря на протест нашей фракции, было утверждено пленумом совета.

В ответ на этот возмутительный поступок на всех кораблях и в береговых командах были вынесены резолюции протеста и переизбраны делегаты, голосовавшие за исключение Рошаля.

Учитывая настроение масс, наша партия повела кампанию за перевыборы совета, ввиду того, что совет не отражал подлинного революционного настроения масс и страдал хвостизмом.

25 апреля, в связи с протестом морских частей Кронштадта против исключения тов. Рошаля из исполкома, был поставлен вопрос о пересмотре этого постановления. Соглашательский совет, испугавшись давления масс, отменил свое решение.

Однако ввиду того, что соглашательская политика продолжала процветать в совете, было решено произвести перевыборы, тем более, что на местах большинство делегатов уже было переизбрано.

5 мая приступил к работе новый состав совета, где мандаты распределились следующим образом: 93 большевика, 91 эсер, 68 беспартийных и 46 меньшевиков. Линия нового Кронштадтского совета хотя и не всегда была выдержанной большевистской линией (на решения часто влияло беспартийное болото и колеблющиеся меньшевики), но значительно сдвинулась влево.

Наличие в совете двух руководящих фракций, большевиков и левых эсеров, соответствовало действительному распределению революционных сил Кронштадта. Основная руководящая масса матросов и рабочих была представлена в совете большевиками, а колеблющаяся масса крестьянства, в лице солдатской и частью матросской массы, была представлена колеблющимися между революцией и соглашательством левыми эсерами. Меньшевики же не играли никакой роли, так как не имели опоры в массах.

Вслед за перевыборами совета на кораблях стала успешно развиваться агитация за передачу всей власти советам. 11 мая грандиознейший митинг, организованный нами на Якорной площади, принял резолюцию о передаче власти советам, а 13 мая Кронштадтский Исполнительный комитет вынес постановление о том, что «единственной властью в Кронштадте является Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, который по всем делам государственного порядка входит непосредственно в контакт с Временным правительством. Административные места в городе Кронштадте замещаются членами Исполнительного комитета».

Комиссару Временного правительства, члену Государственной думы октябристу Пепеляеву ничего не оставалось делать, как подать в отставку. Одновременно с этим исполнительный комитет принял постановление, предложенное фракцией большевиков, об отделении церкви от государства и школы от церкви.

16 мая на заседании совета выступил с докладом по текущему моменту прибывший в Кронштадт тов. Луначарский. Это заседание вошло в историю как положившее начало легендарной «Кронштадтской республике». На этом заседании Кронштадтский совет подтвердил постановление Исполнительного комитета от 13 мая и в развитие его принял следующее решение: «По делам государственного значения совет входит в сношение с Петроградским советом» вместо слов—с Временным правительством. Это изменение, положившее начало травле Кронштадта, было внесено левыми эсерами.

За резолюцию на заседании совета голосовали большевики, левые эсеры и беспартийные; меньшевики голосовали против. Она вызвала переполох не только во Временном правительстве, но и среди соглашателей Петроградского совета. Все буржуазные газеты и плехановское «Единство» подняли дикий вой против отложившегося от остальной России Кронштадта, образовавшего свою самостоятельную республику. В наглой лжи и клевете на революционный Кронштадт усерднее всех оказался ренегат Алексинский, опубликовавший в своей продажной газетке «Единство» даже рисунки несуществующих в Кронштадте

пятикопеечных бон, якобы «имеющих хождение на свободном острове Котлине». Он распространил также версию о том, что кронштадцы работают на немецкие деньги.

Эта гнусная клевета, распространяемая не только буржуазией, но и социал-предателями, находила подходящую почву среди несознательных солдат и рабочих. В связи с этим в Кронштадт со всех концов России посыпались письма с запросами, «правда ли Кронштадт отложился от России и перешел на сторону немцев». В Кронштадт ежедневно стали приезжать различные делегации, чтобы посмотреть «отдельную республику». Даже Петроградский совет поверил этой клевете и принял резолюцию, осуждающую Кронштадтский совет.

В ответ на всю эту травлю и клевету Кронштадтский совет на своем заседании 24 мая принял следующую резолюцию:

„Согласуясь с тем, что Петроградский совет признал власть Временного правительства, мы со своей стороны также признаем его власть и для Кронштадта. Однако признание не исключает критики его действий, и выражаем желание, чтобы революционная демократия создала новую организацию центральной власти, передав всю власть в руки советов. Но пока этого нет, мы признаем все распоряжения Временного правительства и протестуем против попыток приписать нам намерение отделить Кронштадт от остальной России“.

Эта резолюция, несмотря на все старания социал-предателей, была принята 195 голосами при 26 против и 22 воздержавшихся. Еще 21 мая в Кронштадт приехали члены президиума Петроградского совета меньшевики Чхеидзе и Либер и правый эсер Гоц.

В поте лица своего они старались обработать Кронштадтский совет, но безуспешно. Эти господа встретили дружный отпор со стороны большевиков и левых эсеров и убрались во-свояси, а через два дня, 24 мая, на заседание совета в Кронштадт пожаловали господа министры-социалисты Скобелев и Церетелли. Однако, как видно из вышеприведенной резолюции, и их визит не привел к желанным результатам. Они были зло высмеяны выступавшими большевиками и разгневанные вернулись в Петроград. Но травля против Кронштадта, в особенности против нашей партии, значительно усилилась. Даже в самом Кронштадте появились провокационные листки, направленные против тов. Рошаля.

Кронштадтский совет опубликовал обращение к революционному народу с опровержением всей этой грязной клеветы, возводимой на революционный Кронштадт.

Помимо этого, совет постановил послать делегацию по побережью Балтийского моря и на суда флота для широкой информации об истинном положении в Кронштадте.

В состав делегации вошли три большевика (Раскольников, я и Семенов, все трое моряки) три левых эсера и два меньшевика.

Во главе делегации стоял тов. Раскольников, в силу чего тон выступлениям задавали большевики; меньшевики благородно молчали или соглашались с нашими выступлениями, а от эсеров выступал моряк Измаилов, который так крыл своих товарищей по партии, что нам оставалось только ему аплодировать.

При всех выступлениях нам оказывалась восторженная встреча. На линейных кораблях нас встречали и провожали с музыкой.

Гельсингфорский совет по докладу тов. Раскольникова принял резолюцию, целиком и полностью одобряющую действия кронштадтцев и осуждающую соглашательский Петроградский совет.

Подобное одобрение и обещание поддержки Кронштадт получил и от сухопутных гарнизонов, стоящих в Финляндии, и от финляндского пролетариата.

13 июня на об'единенном собрании судовых комитетов с кораблей, стоящих на гельсингфорском рейде, было принято постановление о присоединении к резолюции Кронштадта по вопросам о войне и о Временном правительстве.

После грандиозного митинга в городе, на котором было принято такое же постановление, мы выехали в город Або, где митинг морских и сухопутных частей абоского гарнизона также принял предложенную нами резолюцию, несмотря на тщетные попытки социал-предателей сорвать наше выступление.

Из Або мы вернулись в Гельсингфорс, откуда решили пойти в Ревель на миноносце „Инженер-механик Зверев». На миноносце команда не выказала нам никакой враждебности. Я встретил здесь много своих товарищей по минно-машинной школе и ушел с ними в кубрик пить чай, а мои товарищи кронштадтцы остались на верхней палубе и мирно беседовали с командой. Через некоторое время прибежал в кубрик один из минных машинистов и сообщил, что машинная команда во главе с начальником Севастьяновым выгоняет крон-

штадтскую делегацию с корабля, угрожая выбросить нас за борт в открытом море, если мы не сойдем на берег. Причиной этого недоразумения явился разговор о войне, который наши меньшевики и эсеры вели с командой. Они как интернационалисты заявили, что войну надо прекратить и для этой цели нужно широко развивать братание. Услышав слово братание, мичман Севастьянов созвал машинную команду и сказал им, что это немецкие шпионы, которых не следует везти в Ревель.

Ввиду того, что минопосец «Зверев» долгое время стоял в Рижском заливе и команда была терроризована немецкими самолетами, ежедневно бросавшими бомбы, моряки были сильно озлоблены, и слово «братание» они считали издевательством.

Не желая углублять инцидент, мы сошли с корабля и заявили о случившемся в Центральный комитет Балтфлота, который немедленно задержал пытавшийся уйти в Ревель миноносец и арестовал мичмана Севастьянова. В Ревель наша делегация отправилась через день на пассажирском пароходе.

Делегация блестяще справилась с возложенной на нее задачей. Постепенно вой клеветников был заглушен бурей приветствий и нарастающим сочувствием революционному Кронштадту со стороны широких масс пролетариата и солдат-фронтовиков, которые начали регулярно слать свои делегации в Кронштадт.

18 июня на демонстрации в Петрограде кронштадтцы выступили под лозунгами нашей партии.

IV. ИЮЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ

3 июля в Кронштадт прибыли делегаты от 1-го пулеметного полка. Они явились в морской манеж, где в это время читал лекцию тов. Ярчук, анархист-синдикалист. Пулеметчики попросили слова и в своих выступлениях просили кронштадтцев оказать поддержку начавшемуся выступлению в Петрограде.

Услышав это, матросы, солдаты и рабочие немедленно разошлись по кораблям, казармам и квартирам с тем, чтобы через час собрать на Якорной площади грандиозный митинг.

На митинге товарищи Рошаль и Раскольников пытались успокоить собравшихся, но сделать это было невозможно. В ответ на призыв к спокойствию стали раздаваться возгласы такого рода:

— Мы здесь занимаемся разговорами, а в Петрограде на улицах льется кровь!

— Надо браться за оружие и итти в Петроград!

Настроение было столь напряженное, что впервые за время революции тов. Рошалю не дали закончить речи. Он вынужден был сойти с трибуны. Вслед за ним выступил левый эсер Брушвит, который пытался

продолжить мысль Рошаля, но был заглушен криками «долой!»

Хаосом, воцарившимся на митинге, воспользовались какие-то неизвестные люди, призывавшие взяться за оружие. Однако тов. Раскольникову удалось овладеть митингом и успокоить разгорячившихся. Было решено создать особую комиссию, которой поручалось учесть все оружие и выяснить положение, создавшееся в Петрограде.

От нашей партии в комиссию вошли тт. Раскольников и Рошаль.

По окончании митинга тов. Раскольников связался по телефону с Центральным комитетом нашей партии.

К телефону подошел тов. Зиновьев. Узнав о настроении в Кронштадте, тов. Зиновьев попросил тов. Раскольникова подождать у аппарата.

Через несколько минут тов. Зиновьев сообщил, что ЦК решил принять участие в мирной вооруженной демонстрации, дабы взять стихийно начавшееся движение в свои руки.

Тем временем левый эсер Борис Донской (повешен в Киеве в 1918 г. немцами за убийство командующего немецкой армией на Украине генерала Эйхгерна) связался по телефону с лидерами левых эсеров Натансоном и Комковым, которые сообщили ему, что левые эсеры также решили принять участие в демонстрации.

Немедленно было созвано экстренное заседание совета, на котором тт. Раскольников и Донской сообщили о решении своих центральных организаций. Их выступление было покрыто аплодисментами всего зала. За участие в вооруженной демонстрации голо-

совали все, в том числе и меньшевики. Решение было принято советом единогласно. Даже комиссар Временного правительства Парчевский, избранный, правда, Кронштадтским советом, голосовал за участие в демонстрации.

Было отдано распоряжение поднять пар на кораблях, чтобы они утром могли выйти в Петроград с кронштадтскими демонстрантами.

В комиссию по руководству демонстрацией вошли от нас тт. Раскольников и Рошаль, от левых эсеров Брушвит и Донской.

В конце заседания совета посланный в Петроград для выяснения положения тов. Флеровский сообщил по телефону, что рабочая секция Петроградского совета решила принять участие в демонстрации. К решению демонстрировать присоединились и меньшевики-интернационалисты.

Утром 4 июля раздался мощный призыв гудка пароходного завода, и Якорная площадь начала быстро заполняться вооруженными людьми. Стройные ряды матросов и солдат дополнялись еще недостаточно организованными группами рабочих и работниц, решивших вместе с войсками пойти в Петроград. Свыше десяти тысяч кронштадтцев шли демонстрировать свое требование перехода власти в руки советов.

Мощные звуки духовых оркестров огласили улицы Кронштадта; все население города, несмотря на ранний час, было уже на ногах; все высыпали на улицу провожать демонстрантов.

Переход в Петроград был совершен на пассажирских пароходах без соблюдения строя и необходимых

правил осторожности на случай нападения врага. Никому не могла притти в голову мысль, что против мирных демонстрантов будет применяться какое-либо насилие.

В Петрограде наших демонстрантов встретил тов. Флеровский, сообщивший им порядок движения. По об'явленному нам маршруту мы должны были итти на Петроградскую сторону к дому Кшесинской, где помещался Центральный комитет нашей партии, а оттуда совместно с другими организациями к Таврическому дворцу.

При подходе к дому Кшесинской кронштадтцы остановились, не нарушая походного порядка. На балконе показались Я. М. Свердлов и А. В. Луначарский. Товарищ Луначарский произнес коротенькую, но горячую речь о текущих событиях. Речь тов. Луначарского была покрыта громом аплодисментов. Из рядов демонстрантов стали раздаваться возгласы: «Просим выступить тов. Ленина!» Уже было время итти к Таврическому дворцу, да и эсеры с анархистами были недовольны тем, что мы остановились около ЦК нашей партии. Однако кронштадтцы настоятельно требовали, чтобы тов. Раскольников пошел и попросил тов. Ленина выступить с коротенькой речью. Тов. Раскольников выполнил просьбу демонстрантов, и Владимир Ильич появился на балконе. Его появление вызвало бурю аплодисментов и громкие крики «ура». Владимир Ильич приветствовал кронштадтцев от имени питерского пролетариата и выразил уверенность, что наперекор всем трудностям победит наш лозунг «вся власть советам». Громкое «ура», выр-

вавшееся из десятка тысяч сильных грудей, вероятно заставило содрогнуться петроградскую буржуазию.

Под звуки «Интернационала» кронштадтцы двинулись через Троицкий мост на Марсово поле. По пути лидеры эсеров заметили, что в первых рядах моряки несут плакат Центрального комитета нашей партии; они стали протестовать против этого, заявляя, что демонстрация непартийная и плакат должен быть удален. Когда моряки отказались и предложили им удалиться самим, они жалкой кучкой отделились от демонстрантов. Все рядовые эсеры пошли вместе с нами и отделиться не пожелали.

Этот инцидент был впоследствии использован эсерами для обвинения нас, большевиков, в срыве мирного характера демонстрации.

Кронштадтцы спокойно прошли по Невскому и повернули на Литейный. Головная часть шествия — вооруженные моряки и солдаты—уже далеко прошла по Литейному, задние же ряды безоружных рабочих и женщин растянулись на большое расстояние. Эта последняя часть демонстрантов подверглась на Литейном жесточайшему ружейному и пулеметному обстрелу из окружающих домов. Несколько человек было ранено. Но демонстранты не дрогнули и продолжали свой путь к Таврическому дворцу.

Кронштадтцы стройными рядами дошли до угла Пантелеймоновской улицы, где были встречены наиболее ожесточенным обстрелом. Создалась паника. Многие бросились под ворота, часть залегла на мостовой и открыла стрельбу по невидимому врагу.

Несколько человек было убито и ранено. Однако замешательство улеглось, и головная часть демонстрантов, во главе с тт. Раскольниковым и Рошалем, с оркестром музыки двинулась дальше. Порядок был лишь отчасти восстановлен. Из предосторожности демонстрантов окружили цепью, которая шла, держа ружья наизготовку. В задачу оцепления входило предлагать закрывать окна, предупреждая, что в противном случае по окнам будут стрелять.

В таком порядке кронштадтцы дошли до Таврического дворца. Около дворца было уже громаднейшее количество петроградских демонстрантов, которые ожидали ответа с'езда советов. Тов. Раскольников ушел во дворец доложить о прибытии кронштадтцев, а тем временем группа моряков машинной школы где-то поймала министра земледелия эсера Чернова и арестовала его; Чернов пытался было улизнуть от них, но за эту попытку поплатился рукавом своего пиджака. Только вмешательство Троцкого спасло Чернова от ареста.

Мирную демонстрацию 4 июля соглашательское Временное правительство об'явило мятежной и, опираясь на военщину, вызвало обманным путем с фронта войска для усмирения революционных солдат, матросов и рабочих. Демонстрация считалась законченной. Кронштадтцы разошлись по отведенным для них казармам на ночлег.

Утром 5 июля мы получили сообщение, что ночью юнкера разгромили редакцию газеты „Правда“ и готовят нападение на дом Кшесинской, где помещается ЦК нашей партии. Таким образом, на долю нашего

отряда, ночевавшего в доме Кшесинской, выпала задача оборонять ЦК партии.

Учитывая создавшееся положение, тов. Раскольников обратился в Кронштадтский исполком с просьбой прислать легкую артиллерию с запасом боевых снарядов, а из Гельсингфорса он просил прислать миноносец или канонерскую лодку.

Таким образом, в силу сложившейся обстановки тов. Раскольников стал фактическим командующим революционными войсками Петроградского района. Он собрал всех кронштадтцев и об'явил им предстоящую задачу обороны.

В скором времени стало известно, что на Петроградской стороне появились казачьи раз'езды. К вечеру было получено постановление ЦК нашей партии о том, что демонстрацию надо считать законченной и всем вернуться на места. Значительная часть кронштадтцев, находившихся на Васильевском Острове, благополучно возвратилась в Кронштадт. Но меньшинству, почти исключительно морякам, квартировавшим на Петроградской стороне, выехать не удалось. Им был пред'явлен унизительный ультиматум о сдаче оружия. Разведенные мосты отрезали им путь к пристани и лишили возможности выехать в Кронштадт.

В силу этих причин наш отряд остался ночевать в Петропавловской крепости. Ночь кронштадтцы проспали спокойно. А утром войска Временного правительства начали осаду крепости и дома Кшесинской. Зная распоряжение Временного правительства об отобрании оружия у всех, принимавших участие в демонстрации и 5 июля не выехавших из Петрограда, крон-

штадтцы большую часть своего оружия отправили на катерах в Кронштадт в ночь с 5 на 6 июля.

Одновременно с началом осады Петропавловской крепости начались дипломатические переговоры между нашим отрядом и военной комиссией ЦИК'а, состоявшей из меньшевиков Войтинского, Либера и Богданова.

Комиссия предложила нашему отряду сдать оружие и выехать в Кронштадт. Так как оружие большей частью было уже отправлено, наши товарищи согласились на это требование и спокойно покинули Петропавловскую крепость. Когда приехавший принимать оружие Богданов увидел, что кронштадтцы в большинстве совершенно безоружны, то он сильно сконфузился, так как у ворот Петропавловской крепости стояли наготове казачьи полки и юнкера, которые были стянуты против нескольких сот безоружных кронштадтских матросов. Выходя из крепости, моряки зло издевались над горе-победителями—юнкерами и казаками.

Однако провокация Временного правительства против демонстрантов в Петрограде была еще не так возмутительна по сравнению с тем, что замышлялось против кораблей действующего Балтийского флота.

Временное правительство и соглашательский ЦИК решили натравить одни корабли на другие. Для этого помощником морского министра Дудоровым была дана командующему Балтийским флотом Вердеревскому телеграмма такого содержания:

„Временное правительство по соглашению с Центральным исполнительным комитетом приказывает немедленно прислать эскадронные миноносцы „Победитель", „Орудей", „Гром" и „За-

бияку" в Петроград. Итти полным ходом и, если потребуется противодействовать прибывшим кронштадтцам. Если эти суда окажутся ненадежными, заменить другими.

4/VII НР 2294 Дудоров".

Через некоторое время была послана вторая телеграмма, более гнусного характера.

„Временное правительство по соглашению с Центральным исполнительным комитетом приказывает вам принять меры к тому, чтобы ни один корабль без вашего разрешения не мог прибыть в Кронштадт. Предлагаю не останавливаться перед потоплением такого корабля подводной лодкой, для чего полагаю необходимым подводным лодкам занять заблаговременно позиции. Н-р 2295 Дудоров".

Из этих телеграмм видно, что Временное правительство и соглашательский ЦИК в паническом страхе перед кронштадтцами искали себе защиту в лице кораблей действующего Балтийского флота. Они решили вызвать эсминцы, но, сомневаясь в их надежности, предлагают заменить эсминцы более надежными кораблями. Но, как видно, выяснилось, что в Гельсингфорсе нет ни одного корабля, на который могло бы полагаться Временное правительство.

Больше того, они испугались, что эти корабли могут притти на подмогу кронштадтцам. Ввиду этого было воспрещено кораблям выходить в Петроград без разрешения командующего. А тем временем ретивый контрреволюционер Дудоров, воспользовавшись правом говорить от имени ЦИК'а, приказал просто топить подводными лодками корабли, идущие в Петроград.

Но легко было Дудорову писать приказы, сидя в Петрограде, а каково их было выполнять Вердеревскому в Гельсингфорсе!

Не имея в своем распоряжении ни одного корабля, он был вынужден обратиться за советом в Центральный комитет Балтфлота. Центробалт, узнав об этих гнуснейших телеграммах, созвал об'единенное заседание совместно со всеми судовыми комитетами, на котором была избрана делегация для поездки в Петроград с резолюцией о передаче власти советам. На этом же собрании был отстранен от должности комиссара Временного правительства г. Онипко.

Делегация Балтфлота прибыла в Петроград 6 июля, т. е. в тот момент, когда там свирепствовала реакция. Делегация была арестована. Командующий Балтфлотом адмирал Вердеревский был снят с должности и тоже арестован. Временное правительство, опираясь на перетрусивших социал-предателей, временно торжествовало победу; пролетарская революция временно потерпела поражение, но она не была побеждена. Пролетариат и его вооруженная сила—Кронштадт—отступили для того, чтобы, учтя опыт июльских событий, подтянуть свои резервы и с новой силой двинуться в решительный бой.

Победа контрреволюции в Петрограде навеяла панический страх и на наших кронштадтских горе-революционеров. Левые эсеры решили оправдать себя перед Временным правительством: они пытались взвалить всю вину за неудачу демонстрации на большевиков и в частности в отношении Кронштадта на тов. Раскольникова. Однако провокационное высту-

пление Керенского отрезвляюще подействовало и на эсеров.

7 июля вечером на заседании Исполнительного комитета была оглашена телеграмма Керенского.

Этот истерический вой и угрозы взбесившегося мелкого буржуа вперемежку с мещанским хныканием о родине и революции господ Рябушинских и Коноваловых вызвали смех и возмущение у революционных кронштадтцев. Этот приказ еще больше поднял авторитет Кронштадта, и к нам со всех концов России потянулись различные ходоки и делегации с просьбой помочь им организовать дело так, как у нас в Кронштадте, и раз'яснить им создавшееся положение.

В ответ на этот подлый выпад истерика Керенского Кронштадтский совет принял следующую резолюцию:

„Во всех выступлениях и резолюциях мы преследовали, преследуем и будем преследовать только интересы революции, во имя освобождения трудящихся.

Никаких контрреволюционных зачинщиков в своей среде и вообще в Кронштадте мы не знаем, а посему никаких арестов производить не можем.

Мы даем заверение Временному правительству в подчинении, но стоим на точке зрения перехода власти в руки советов".

На всех кораблях и в береговых частях были приняты резолюции протеста против гнуснейшей клеветы социал-предателей на революционный Кронштадт и против разгона Центрального комитета Балтморя. Все корабли и морские части избрали в Центробалт старых делегатов, подчеркивая этим свое пренебрежение к «грозному» приказу Керенского.

В это время в Петрограде свирепствовал разгул реакции, велась бешеная травля против нашей партии,

были разгромлены редакция и типография газет «Правда» и «Солдатская правда», велись усиленные аресты ответственных работников Центрального и Петроградского комитетов нашей партии; велась бешеная кампания травли и клеветы против товарища Ленина. В связи с этим наш Кронштадтский комитет партии выпустил воззвание ко всем трудящимся. В нем разъяснялось, что «жизни вождей угрожает опасность. Неприкосновенность личности превратилась в пустой звук» и т. д. Воззвание заканчивалось словами:

„Революция в опасности, но она велика и могуча, она перенесет все беды и козни контрреволюции. Революция не умерла, она живет. Да здравствует революция!"

13 июля был получен приказ помощника морского министра Дудорова об аресте товарищей Раскольникова и Ремнева, как морских офицеров, и преданию их суду по 1433 статье за государственную измену. В случае неисполнения приказа Кронштадту угрожала блокада.

Не желая подвергать опасности население города, тов. Раскольников решил добровольно явиться в Петроград для ареста.

Одновременно с этим на имя коменданта крепости, генерала Герасимова, был получен приказ о закрытии нашей газеты «Голос правды». Генерал Герасимов явившись в редакцию газеты, прежде чем наложить арест, тысячу раз извинялся и спросил совета, как ему поступить. Мы заявили, что завтра газета переменит свой заголовок и издателя. Он прочитал приказ и удалился, а работа редакции продолжала итти своим

чередом без перебоев. На следующий день вместо «Голоса правды», органа Кронштадтского комитета РСДРП большевиков, вышла газета «Пролетарское дело», орган фракции большевиков Кронштадтского совета.

С закрытием центральной газеты «Правда», до возобновления ее выхода, на долю нашей газеты выпала честь обслуживать и петроградский пролетариат. Следует отметить, что с этой задачей наша газета справилась с честью. Островное положение Кронштадта и наличие в нем солидной вооруженной силы спасло нашу организацию от разгрома, и мы с успехом продолжали развивать начатое нами дело борьбы за власть советов.

Однако несмотря на добровольную явку тт. Раскольникова, Рошаля и Ремнева, 1 июля части 5-й армии, вызванные с фронта, заняли форт «Красная горка». Пушки форта были наведены на Кронштадт. Та же попытка в отношении форта «Ино» не увенчалась успехом. Подошедшим к форту казакам было предложено под угрозой расстрела немедленно очистить сферу влияния форта.

Одновременно с занятием форта «Красная горка» в Кронштадт под видом экскурсии прибыл отряд самокатчиков во главе со штабс-капитаном Артамоновым, правым эсером, впоследствии ставшим комендантом Кронштадтской крепости; прибыла также делегация 5-й армии для ознакомления с кронштадтскими порядками. Артамонов от имени Временного правительства пред'явил ультиматум о замене выборных комиссара и коменданта назначенными от Временного правительства.

Против назначения коменданта крепости Кронштадтский совет не возражал, при условии подходящей кандидатуры. А комиссаром Временного правительства было постановлено рекомендовать меньшевика-оборонца прапорщика Эдиэта. Временное правительство приняло кандидатуру Эдиэта и утвердило его комиссаром, а комендантом крепости был назначен штабс-капитан Артамонов, впоследствии под влиянием левых эсеров дружно работавший с Кронштадтским советом.

Образцовый порядок и наличие культурно-просветительных организаций в Кронштадте произвели хорошее впечатление на делегатов 5-й армии. Они убедились, что Временное правительство бесстыдно клевещет на Кронштадт за его революционную работу. Эта экскурсия в Кронштадт частей 5-й армии дала обратный результат для Временного правительства: 500 фронтовиков побратались с кронштадтцами; они пригласили нас к себе, чтобы раз'яснить солдатам истинное положение дел в Кронштадте. Артамонов тоже добросовестно изложил свое впечатление о Кронштадте, и войска с «Красной горки» были выведены. Таким образом, от ультиматума осталось одно воспоминание, и было положено начало связи между кронштадтцами и войсками экспедиционного корпуса, вызванного с фронта для подавления июльского выступления.

Приехавшая на следующий день в Кронштадт следственная комиссия по делу о выступлении 4-5 июля не добилась ничего, что могло бы удовлетворить Временное правительство.

17 июля в. Кронштадт прибыли делегации северного фронта от 9-й и 12-й армий. Выступавшие на заседании совета товарищи были возмущены той травлей, которую Временное правительство вело против Кронштадта. Тов. Орленко, представитель 12-й армии, говорил о том, что им показалось подозрительным, что для подавления контрреволюции в Петрограде пришлось вызывать 5-ю армию, говорил, что в 12-й армии все латышские полки и восемь сибирских полков стоят за передачу власти советам, а когда в Петрограде собрались представители всех фронтов, то у всех оказались одинаковые резолюции за власть советов.

Простая речь солдата опрокидывала всю жалкую и трусливую политику социал-предателей, мотивировавших невозможность брать власть в руки советов тем, что против этого будет фронт. Фронт шел по стопам питерского пролетариата, революционного Кронштадта и Балтийского флота.

V. В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ, ПРОТИВ КОРНИЛОВЩИНЫ

Закрытие нашей газеты «Голос правды» не прошло бесследно. Кронштадтский совет выразил резкий протест и осудил безответственную политику Временного правительства. Тем самым наш совет еще раз подчеркнул, что, несмотря на дикий вопль господ Керенских, несмотря на их петушиные угрозы, Кронштадтский совет ведет свою неуклонную политику борьбы за власть советов.

В июле в Кронштадт с'ехались делегации от двадцати девяти полков с фронта, а также от рабочих Петрограда и Сестрорецка. На об'единенном митинге делегаций и кронштадтцев была принята резолюция протеста против разгула реакции с требованием разгона черносотенной Государственной думы.

24 июля происходили выборы в городскую думу, которые дали по 25 мест большевикам и левым эсерам. Остальные же фракции и группировки не собрали и одной трети голосов. Между нами и левыми эсерами было достигнуто полное соглашение, которое и легло в основу думской работы.

6 августа в Кронштадт прибыла из Петрограда экскурсия рабочих во главе с тов. Володарским. На

двадцатитысячном митинге была принята следующая резолюция:

„Мы, солдаты, матросы и рабочие Петрограда, Кронштадта и Сестрорецка, шлем привет гонимым и оклеветанным вождям пролетариата и протестуем против ареста товарищей большевиков, против разгрома партийных организаций, против дикого разгула реакции, против контрреволюционной диктатуры, вводящей смертную казнь, ссылку, изгнание и стремящейся уничтожить все завоевания революции.

Мы протестуем против попытки соглашения с буржуазией, против отсрочки выборов в Учредительное собрание и выражаем уверенность в том, что организующиеся силы пролетариата, революционных моряков, солдат и беднейших крестьян сметут обнаглевшую контрреволюционную диктатуру и заменят своей, действительно революционной диктатурой пролетариата".

Эта резолюция ясно говорит о том, что революционный Кронштадт поставил себе задачей бороться за диктатуру пролетариата, что июльское поражение осталось позади, что ряды революционных кронштадтцев значительно окрепли и подготовились к решительному бою с контрреволюцией.

В этот период кронштадтцы решили переизбрать свой совет, чтобы освежить его состав. 11 августа состоялось первое заседание вновь избранного совета, в состав которого вошло 98 большевиков, 70 левых эсеров, 12 меньшевиков-интернационалистов, 7 анархистов и 90 человек беспартийных. Таким образом, удельный вес нашей партии в совете значительно возрос, в то время как у других партий он резко упал. За счет левых эсеров и меньшевиков усилились беспартийные и появились анархисты. Другими словами, крестьянские мелкобуржуазные массы солдат, шедшие вначале за меньшевиками и эсерами, начали

разочаровываться в этих партиях, но еще не осознали необходимости итти за единственной последовательно революционной партией большевиков. Эти массы или, став пассивными, отдали свои голоса беспартийным или метнулись в крайность и пошли за анархистами. Конечно здесь имело место и влияние июльских событий. Однако оставалось неопровержимым фактом, что, несмотря на разгром нашей партии, ее ряды не поредели, а возросли.

Новый совет по отношению к Временному правительству сохранил точку зрения своего предшественника и высказался за власть советов.

Теперь Кронштадтский совет поставил своей задачей добиться во что бы то ни стало освобождения из тюрьмы тт. Раскольникова и Рошаля. Еженедельно мы отправляли в Петроград свои делегации с требованием освободить наших товарищей. 26 августа была послана такая делегация в Центральный исполнительный комитет. Когда мы прибыли к Чхеидзе, он умоляюще обратился к нам с просьбой поехать обратно в Кронштадт и передать совету от имени ЦИК'а просьбу о присылке немедленной помощи для борьбы с генералом Корниловым, наступающим на Петроград. Чхеидзе обещал принять все меры к тому, чтобы освободить наших товарищей, но в данном случае он лгал — старый соглашатель просто боялся отказать нам, потому что требовалась наша помощь.

В ответ на просьбу Чхеидзе мы заявили, что Кронштадт всегда готов поддержать Центральный исполнительный комитет в борьбе против контрреволюции, но в июле ЦИК сам отверг нашу помощь и обра-

тилей за поддержкой к контрреволюционным генералам для борьбы с революционными кронштадтцами. Чхеидзе попросил не вспоминать старые обиды и перед лицом опасности, угрожающей революции, сплотить свои силы вокруг ЦИК'а. Мы заявили, что у нас в июльские дни отобрали оружие. На это Чхеидзе ответил:

— Все, что вам нужно, мы вам дадим, как только вы приедете в Петроград.

Мы вернулись в Кронштадт. Немедленно было созвано заседание совета, на котором мы доложили о создавшемся положении и передали просьбу ЦИК'а.

Кронштадтский совет постановил выслать пятитысячный отряд в Петроград, усилить гарнизон форта «Красная горка» и выслать отряд в район Ораниенбаум—Петергоф. Для руководства петроградским отрядом совет назначил трех комиссаров: от большевиков меня, от эсеров Брушвита и от максималистов (в таковых превратилась часть беспартийных) Рывкина.

Одновременно с отрядом Кронштадтский совет послал в ЦИК делегацию со следующим наказом:

„Отменить смертную казнь. Немедленно передать все помещичьи земли в руки крестьянских комитетов. Узаконить 8-часовой рабочий день и установить контроль над производством и распределением. Конфисковать военную прибыль и обложить все капиталы и имущества. Декретировать демократическую республику и немедленный созыв Учредительного собрания. Отменить тайные договоры и предложить демократический мир.

Для осуществления этих требований передать всю власть в руки советов".

Когда наш отряд прибыл в Петроград и проследовал в боевом порядке к Смольному, то его внешний

вид, дисциплина и порядок строя произвели великолепное впечатление не только на рабочих, которые с любовью смотрели на кронштадтцев, но и на мелкобуржуазные элементы, боявшиеся всяких военных осложнений; хорошо подготовленные войска у них вызывали надежду на верную защиту Петрограда от нападения дикой дивизии, которая шла с генералом Корниловым.

К великому удивлению буржуазии, травившей кронштадтцев, как неорганизованных бандитов, Петроград впервые за время революции увидал столь организованную и хорошо подготовленную воинскую часть. Струсившая буржуазия сразу переменила тон и устами «Биржевых ведомостей» воспела кронштадтцев. На следующий день по прибытии нашего отряда в Петроград «Биржевка» писала:

„Вчера Петроград впервые после революции увидел дисциплинированные воинские части — это были стройные колонны кронштадтских моряков. На эти части Временное правительство вполне может положиться в своей борьбе против изменников революции".

Конечно, этот жалкий лепет буржуазных писак был вызван не восхищением, а трусостью перед появлением кронштадтцев на улицах Петрограда. Буржуазия отлично понимала, что, если моряки вновь с оружием в руках появились на улицах Петрограда, то они, уже наученные горьким опытом июльских событий, на сей раз будут прекрасно подготовлены и будут иметь господствующее положение в Петрограде. Действительно так и случилось. Временное правительство отдало в руки кронштадтцев охрану

всего Петрограда, т. е. поставило нас в третьей линии обороны Петрограда, возложив на нас охрану Центрального исполнительного комитета и Временного правительства.

Соглашательский ЦИК изрядно перетрусил от нажима генеральского сапога и изменил свое отношение к кронштадтцам на 180 градусов. По окончании корниловского мятежа Чхеидзе прислал Кронштадтскому совету следующую телеграмму:

„Комитет народной борьбы с контрреволюцией приветствует Кронштадтский совет, принявший столь активное участие в мобилизации революционных сил, и с удовольствием констатирует приезд кронштадтского отряда в тревожные дни в Петроград. Отряд оказал существенное содействие делу успокоения петроградского населения. Прошу совет передать товарищам, входившим в отряд, признательность и благодарность Центрального исполнительного комитета.

Чхеидзе".

После корниловского мятежа авторитет Кронштадта возрос еще больше, и перед нами встала прямая задача подготовиться к вооруженной борьбе за установление диктатуры пролетариата.

VI. ПОДГОТОВКА К ОКТЯБРЮ

Корниловский мятеж сигнализировал опасность надвигающейся контрреволюции, которая решила расправиться не только с советами, но и с Временным правительством, которое не могло угодить буржуазии, мечтавшей о твердой власти, могущей быстро и решительно расправиться с «взбунтовавшейся чернью».

Соглашательский ЦИК и Временное правительство были застигнуты врасплох и, растерявшись, сразу метнулись за помощью к революционному Кронштадту. Кронштадт показал свою организованность и готовность защищать революцию.

Казалось бы, после того как Центральный исполнительный комитет выразил благодарность кронштадтцам за проявленную ими организованность у Временного правительства не оставалось никакого повода для травли революционного Кронштадта. Однако социал-предатель, жалкая пародия на Бонапарта, Керенский не оставил в покое Кронштадт и в самой гнусной форме продолжал клеветать на него. Мы, конечно, не оставались в долгу и день ото дня все усиливали свою революционную деятельность.

10 сентября в морском манеже собрался грандиозный митинг (свыше десяти тысяч человек). Митинг проведен был под руководством нашей партии и принял нашу большевистскую резолюцию. Таким образом, Кронштадт еще и еще раз подтвердил, что его идейным вождем является партия большевиков.

Под давлением революционного пролетариата Петроградский совет к этому времени тоже порвал с соглашательской политикой, приняв резолюцию, предложенную фракцией большевиков. Соглашательский президиум, в состав которого входил и авантюрист Керенский, испугался большевизации совета и подал в отставку. В новый президиум уже вошли и наши товарищи.

Коалиция социал-предателей с контрреволюционной буржуазией вызвала настолько решительный протест со стороны питерского пролетариата, что даже эсеровская конференция петроградской организации высказалась против коалиции и приняла резолюцию, предложенную левыми эсерами, по своему содержанию близкую к большевистской. Однако все эти сдвиги влево мало тревожили соглашательский Центральный исполнительный комитет, и он продолжал позорно плестись в хвосте у буржуазии и всемерно тормозил созыв всероссийского с'езда советов.

Чтобы обмануть революционную бдительность трудящихся масс, была придумана комедия с «демократическим совещанием». На этот соглашательский трюк Кронштадтский совет ответил следующей резолюцией:

„Перед лицом контрреволюционного мятежа генерала Корнилова, подготовленного партиями и группами, представители

которых входят в состав Временного правительства, Кронштадтский совет считает долгом провозгласить, что отныне должны быть решительно прекращены всякие колебания в деле организации власти. Должна быть устранена вся та политика безответственности и соглашательства, которая создала возможность превратить Временное правительство в очаг заговора против революции.

Единственный выход из создавшегося положения Кронштадтский совет видит в создании власти из представителей революционного пролетариата и крестьянства, в основу деятельности которой должно быть положено: 1) декретирование демократической республики; 2) немедленная отмена частной собственности на землю и передача ее крестьянским комитетам с обеспечением беднейшего крестьянства сельскохозяйственным инвентарем; 3) введение рабочего контроля над производством и распределением; национализация важнейших отраслей производства, как-то: нефтяной, каменноугольной, металлургической; беспощадное обложение крупных капиталов и конфискация всех военных прибылей; 4) об'явление тайных договоров недействительными; немедленное предложение всем воюющим державам всеобщего демократического мира, на основе права наций на самоопределение".

Эта резолюция была предложена фракцией большевиков, и представителем от Кронштадта на «демократическое совещание» был избран большевик тов. Флеровский.

Кронштадтцы зорко следили не только за деятельностью Временного правительства, но и за своими морскими организациями. Как только Центральный комитет Балтфлота немного увлекся оборонческой политикой, кронштадтцы быстро реагировали на его действия. 12 сентября по докладу представителя Центробалта на собрании представителей всех морских частей Кронштадта была принята резолюция, осу-

ждающая деятельность Центробалта. Резолюция гласила:

„Всю деятельность Центробалта 1 и 2 созыва считаем правильной и соответствующей всем принципам демократии флота. Центробалт же 3 созыва не стоит на высоте своего положения и не отражает интересов широких матросских масс, вследствие чего лишается своего авторитета и нашего доверия. Поэтому мы требуем немедленного созыва с'езда Балтфлота. Если наше требование не будет выполнено, то мы отзываем своих представителей, чтобы оборонческая политика Центробалта не прикрывалась авторитетом революционного Кронштадта".

Эта резолюция возымела свое действие, и в скором времени был созван 2-й с'езд Балтфлота, который в большинстве своем был представлен большевиками.

Потеряв всякую надежду и возможность проникнуть в революционный Кронштадт, социал-предатели все еще не теряли надежды отколоть от Кронштадта его форты. Излюбленным местом для гастролей социал-соглашателей был форт «Красная горка». Сюда почти еженедельно являлись соглашательские визитеры и воспевали пресловутую коалицию. Но в конце-концов и здесь почва накалилась до того, что нежные социал-предательские ножки не выдержали и перестали сюда ходить. В последний раз мы с тов. Энтиным 13 сентября отчитали гр. Майскую, ответственную агитаторшу соглашательского ЦИК'а. Так любезно приняли ее солдаты-красногорцы, что она отказалась от заключительного слова и попросила председателя не открывать прений, ввиду того, что у нее нет времени отвечать на все выступления.

15 сентября в морском манеже собрался пятнадцатитысячный митинг, принявший резолюцию с тре-

бованием от демократического совещания принять меры к немедленному освобождению наших товарищей, арестованных в связи с событиями 3—5 июля, и отмены распоряжения Временного правительства об аресте тт. Ленина и Зиновьева.

В том же духе было вынесено постановление совета, к которому присоединились Гельсингфорский, Петроградский, Выборгский, Ревельский, Гатчинский, Петергофский и др. советы.

В Кронштадт прибывали со всех концов России и с фронта различные делегации. Они жаловались на действия местных властей и просили помощи и инструкторов. Кронштадтский совет выслушивал все жалобы и просьбы и посылал своих агитаторов и организаторов во все концы России. Всего из Кронштадта было послано до 500 агитаторов, которые вели незаметную, но важную работу по организации рабочих, крестьянских и солдатских масс для борьбы за власть советов.

Влияние нашей партии возрастало с каждым днем.

Те рабочие, солдаты и матросы, которые в первые дни революции пошли за эсерами, теперь целыми группами в 15-20 человек покидали эсеровскую партию, хотя кронштадтская организация была самой левой из эсеровских организаций.

Чем революционнее становился флот, тем сильнее Временное правительство травило моряков. Если после июльских дней был распущен Центробалт, то теперь Временное правительство распустило Центрофлот (Всероссийский центральный комитет флота)

за то, что он осмелился без разрешения морского министра занять помещение в Адмиралтействе.

На этот наглый вызов, брошенный Временным правительством флоту, Кронштадт ответил резолюцией протеста вслед за протестом морских частей. Видя мощный протест Кронштадта и Гельсингфорса, Центрофлот решил не подчиняться Временному правительству и продолжать свою деятельность.

Этот дружный отпор, данный Временному правительству, не замедлил сказаться: травля против Кронштадта и Балтфлота еще больше усилилась.

Однако события нарастали. 20 сентября, по примеру Кронштадта, 3-й Финляндский областной с'езд советов постановил, что «Вся власть в Финляндии переходит к областному исполнительному комитету, и никаких распоряжений Временного правительства без его санкции не должно исполняться».

Это решение было новой пощечиной Временному правительству, которое становилось все наглее и наглее в своей контрреволюционной деятельности.

За период после корниловского мятежа Временное правительство пережило затяжной кризис, и в конце-концов сложилась новая коалиция соглашателей и буржуазии, на что революционный Кронштадт быстро реагировал постановлением от 26 сентября, в котором заявил следующее:

„Новая коалиция правительства является союзом корниловцев и соглашательской верхушки, ведущей безответственную и предательскую по отношению к русской революции политику.

Такое правительство Кронштадтский совет считает несомненным органом контрреволюции, углубляющим финансовую

и экономическую разруху в стране, стремящимся предать страну и революцию на удушение и разграбление международной буржуазии.

Кронштадтский гарнизон и рабочие такому правительству решительно отказывают в какой бы то ни было поддержке и доверии.

Только через советы может быть организована власть революции. Кронштадтский совет настаивает на немедленном с'езде советов. Да здравствует мировая социалистическая революция!"

Эта резолюция была предложена фракцией большевиков и являлась «вторым отложением Кронштадта от остальной России», как об этом незамедлительно завопили все буржуазные и соглашательские газеты. Они требовали, чтобы правительство расправилось с мятежным Кронштадтом самым решительным образом, ибо «анархическая деятельность кронштадтцев разлагающе действует на армию и другие невыдержанные элементы».

Но все крики задыхающейся от злости своры буржуазных и социал-предательских писак были напрасны, так как по-кронштадтски начинала мыслить и действовать вся Россия. Вышло то, что не Кронштадт отложился от России, а вся Россия отложилась от Временного правительства и социал-соглашателей.

Авантюристская политика наступления на фронте, как известно, окончилась полнейшим крахом. На фронте совершалась одна измена за другой, а жалкая пародия Бонапарта — Керенский—метался в бешеной злобе по фронту, разыскивая виновников поражений среди солдат, не замечая того, что творят генералы.

В одном из писем, присланном в Кронштадт с 10-го западного фронта, солдаты рассказывают следующее:

«Перебежал к нам австриец и говорит, что ваши генералы продали весь ваш корпус и что сегодня ночью будет произведена на вас газовая атака, а затем австрийцы перейдут в наступление. И действительно, так и случилось, но наступление было отбито ружейным и пулеметным огнем. Наша артиллерия во время наступления австрийцев молчала, а когда мы спросили, почему они не стреляли, то артиллеристы заявили нам, что наш командир дивизии приказал им не стрелять. На наше требование к командиру дивизии дать об'яснение, почему он приказал не стрелять, он вызвал 600 казаков и хотел нас обезоружить. Но мы дали залп, и казаки сдались. Когда мы нашли своего дивизионного генерала, а с ним и еще кое-кого, то они сознались в том, что предали нас австрийцам. Ну, конечно, после этого мы расстреляли наших генералов, а Временное правительство прислало следователей для розыска виновников в расстреле генералов. Однако никого найти им не удалось. Мы все заявили, что у нас нет никаких зачинщиков и контрреволюционеров и что мы стоим за власть советов».

Эта картина, обрисованная солдатами в письме, говорила нам о том, что мы не одни, что фронт с нами и что медлить с захватом власти в руки советов нельзя, так как генералитет определенно решил путем измены задушить революцию.

А подлый социал-предатель Керенский 1 октября дал следующую, гнуснейшую по своему содержанию телеграмму на имя командующего северным фронтом:

„Наступил грозный час испытаний. Пора опомниться. Нужно прекратить вольно и невольно играть на-руку врагу. Кронштадтцы уже добились того, что в критический момент не все средства обороны у них оказались на месте"...

Эта часть телеграммы была специально обращена к Балтийскому флоту, самоотверженно сражавшемуся с сильнейшей немецкой эскадрой в Рижском заливе.

Гнуснейшая клевета, возведенная на революционный Кронштадт и Балтийский флот, явилась следствием того, что Кронштадтский совет не позволил снять артиллерию со своих фортов, то есть удержал средства обороны на том месте, где им надлежало быть для защиты революционного Петрограда. А Балтийский флот выполнял в это время наитруднейшую операцию по обороне подступов к Петрограду.

Наши миноносцы «Гром», «Забияка», «Победитель» и канонерские лодки «Храбрый» и «Хивинец» сражались с немецким дредноутом и шестью миноносцами. В результате боя погиб наш эсминец «Гром».

Заседавший в это время 2-й с'езд Балтийского флота вынес следующую резолюцию:

„Требовать от Центрального исполнительного комитета немедленного удаления из рядов Временного правительства авантюриста Керенского, как позорящего своим бесстыдным политическим шантажем в пользу буржуазии великую революцию.

Тебе же, продавшему революцию Бонапарту-Керенскому, шлем проклятие в тот момент, когда наши товарищи гибнут под пулями и снарядами и тонут в волнах Балтийского моря, призывая защищать революцию".

На следующий день после принятия этой резолюции, т. е. 4 октября, наши линкоры «Слава» и «Гражданин» и крейсер «Баян», несмотря на силы про-

тивника, превосходившие наши в 3-4 раза, решили вступить в неравный бой. Линкор «Слава», получив пробоину, продолжал прикрывать отступление «Гражданина» и «Баяна». Он встал в проливе и загородил собою дальнейший путь для немецкой эскадры. В течение двухчасового боя «Слава» получила три пробоины, но продолжала вести бой до тех пор, пока «Гражданин» и «Баян» не скрылись из виду. После того как корма линкора «Слава» оказалась совершенно разрушенной, надежд на спасение корабля было мало.

Продолжая отстреливаться, «Слава» стала готовиться к взрыву, чтобы заградить собою вход в Моонзундский пролив. После пересадки команды на миноносцы последовал взрыв, и «Слава» своим трупом загородила вход в пролив. Так геройски погиб один из революционных кораблей Балтийского флота, который авантюристом Керенским в приказе после июльских событий был отнесен к числу изменнических кораблей, работающих в пользу немцев. Трудящиеся массы русского народа еще раз убедились в преданности Балтийского флота делу революции. Большевистский корабль «Слава» до конца остался верен родине и революции, а подлый социал-предатель Керенский в союзе с генералами сдал в это время город Ригу для того, чтобы открыть путь немцам на Петроград и тем самым задушить революцию.

По инициативе Кронштадтского, Петроградского и Сестрорецкого советов был созван с'езд советов губернии, который состоялся в Кронштадте. На с'езде присутствовали представители всех городских и уезд-

ных советов Петроградской губернии. С'езд открылся 5 октября. Председателями с'езда были избраны наши кронштадтцы: большевик тов. Флеровский и левый эсер тов. Шугрин, которые председательствовали поочередно.

С'езд принял (при двух против) следующую резолюцию:

„Принимая во внимание, что:

1) после шестимесячного опыта соглашательской коалиционной политики, приведшей страну к хозяйственному развалу, к предательству генералитета на фронте и контрреволюционному восстанию генерала Корнилова, эта политика потерпела полный крах, о чем свидетельствует развал соглашательских партий;

2) в результате освобождения народных масс из-под идейного влияния буржуазии идет перегруппировка сил по двум направлениям;

3) при образовании этих двух группировок Временное правительство является органом буржуазной диктатуры;

4) так называемый „совет республики" уже в процессе своего зарождения обанкротился и не может прикрыть своей демократической внешностью правительство контрреволюции, с'езд постановляет:

1) советы не могут оказывать Временному правительству ни малейшей поддержки;

2) дальнейшие завоевания революции возможны только в борьбе против буржуазно-генеральской контрреволюции;

3) единственной властью, способной вести эту борьбу, являются советы".

Эта резолюция была предложена нашей фракцией и поддержана левыми эсерами.

Петроградский губернский с'езд советов своим пребыванием в Кронштадте, а затем вышеприведенной резолюцией окончательно подчеркнул то, что он стоит

за власть советов и что социал-соглашатели окончательно потеряли свое влияние во всех советах Петроградской губернии, за исключением Лужского совета, который прислал на с'езд двух соглашателей, правых эсеров, голосовавших против резолюции, принятой с'ездом.

Заканчивающий к этому времени свою работу 2-й с'езд Балтийского флота обратился к угнетенным народам мира с воззванием следующего содержания:

„Братья! В роковый час, когда звучит сигнал боя, сигнал смерти, мы возвышаем к вам свой голос, мы посылаем вам свой привет и предсмертное завещание. Атакованный превосходными германскими силами, наш флот гибнет в неравной борьбе. Ни одно из наших судов не уклонится от боя, ни один матрос не сойдет на берег побежденным.

Оклеветанный флот исполнит свой долг перед великой революцией. Мы обязались твердо держать фронт и оберегать подступы к Петрограду. Мы выполним свое обязательство не по приказу жалкого русского Бонапарта-Керенского, царящего милостью долготерпения революции. Мы идем в бой не во имя исполнения договоров наших правителей с союзниками. Мы исполняем верховное веление революционного сознания. Мы идем к смерти с именем великой революции. Мы призываем вас, пролетарии всех стран, к восстанию против своих угнетателей.

Сбросьте оковы, угнетенные! Поднимитесь на борьбу! Нам нечего терять в борьбе, кроме цепей рабства. Мы верим в победу революции. Мы знаем, что свой долг наши братья по революции выполнят до конца на баррикадах последнего боя.

Разгорается великая борьба, озаряется горизонт пламенем восстания угнетенных всего мира. В час, когда волны Балтики окрашиваются кровью наших братьев, когда темные воды смыкаются над их трупами, мы посылаем горячий призыв к вам, угнетенные всего мира. Поднимите знамя восстания.

Да здравствует всемирная революция!

Да здравствует социализм!“

Это воззвание показывает, что Балтийский флот вынужден был вести борьбу на два фронта: на внешнем—против немцев, наступающих на Петроград, и на внутреннем — против наглеющей контрреволюции, возглавляемой авантюристом Керенским. Оно нашло живой отклик среди всех моряков России. Черноморцы прислали ответную телеграмму, в которой говорилось:

„Товарищи балтийцы! Кровь стынет в жилах, и сердце перестает биться, когда читаешь ваш привет и завещание. Мы скорбим по гибнущим братьям и шлем проклятие всем врагам трудящихся всего мира.

В этот роковый час, когда красное знамя труда видят не все братья по труду, отуманенные хищными империалистами, мы присоединяем свой голос к вашему горячему призыву. Мы идем вместе с вами на баррикады последнего боя. Мы шлем свое проклятие поработителям и паразитам труда. Мы вместе с вами зовем всех к справедливому миру и к всемирной революции".

Одновременно с этим было получено обращение к морякам Балтийского флота от солдат румынского фронта, в котором говорилось следующее:

„У вас существует свобода, устраиваются митинги, собрания, а у нас в окопах царит гнет генералов. Черные вороны вьются над нами. Приспешники капитала не дают говорить в защиту революции. Товарищи, от вас многое теперь зависит—не останавливайтесь ни перед чем. Мы всегда готовы встать вместе с вами".

Итак, Кронштадт, Балтфлот, Черноморский флот, румынский фронт, северо-западный фронт, Финляндский областной и Петроградский губернский с'езды советов высказались решительно и бесповоротно за власть советов и производили мобилизацию своих

сил вокруг этого лозунга. Темные силы реакции, в паническом ужасе перед надвигающейся пролетарской революцией, гнездились вокруг Временного правительства, изыскивая средства для удушения пролетарской революции.

Временное правительство приказало вывести революционный гарнизон из Петрограда, но Петроградский совет отменил это распоряжение.

Благодаря долгим и упорным требованиям кронштадтцев наконец был выпущен после трехмесячного пребывания в тюрьме, под залог в 3000 рублей, тов. Раскольников, который снова встал во главе кронштадтской организации. Но тов. Рошаль продолжал оставаться в тюрьме, откуда его освободила только Октябрьская революция.

10 октября Кронштадтский совет избрал военно-техническую комиссию, в обязанность которой входило руководство обороной крепости и учет всех вооруженных сил Кронштадта. От нашей партии в эту комиссию вошли тт. Пронин, Колбин, Строганов, Смирнов, Севрюков и Пеников. Кронштадт усиленно стал готовиться к борьбе. Все рабочее население, даже многие женщины, проходило военную подготовку. Морской манеж, куда раньше кронштадтцы собирались только на митинги, теперь превратился в военный плац, где ежедневно под руководством военных инструкторов обучались красногвардейцы. Кронштадт готовил военные кадры пролетарской революции.

В ответ на гнусную клевету Керенского Кронштадтский совет послал ему и Временному правительству запрос следующего содержания:

„Мы требуем, чтобы Керенский доказал документально, что у нас „не все средства обороны на месте", а до тех пор, пока, это не будет доказано, на нем остается печать гнусного клеветника".

Тон, которым говорил Кронштадт и Балтийский флот с Временным правительством, свидетельствовал о том, что момент решительной борьбы назрел. Стало ясно, что столкновение двух сил—пролетарской и буржуазной—неизбежно. Дело оставалось за пролетарскими массами Питера и Москвы. Военные резервы у них были достаточные.

11 октября в Петрограде открылся с'езд советов Северной области, на котором по докладу тов. Дыбенко было принято следующее приветствие Балтийскому флоту:

„Областной с'езд советов шлет пламенный привет морякам-революционерам Балтийского флота, которые умирают, как герои, расплачиваясь своей жизнью за преступления буржуазии всех стран.

Слава несокрушимым бойцам, которые сквозь пламя и дым морского боя посылают всем угнетенным клич восстания и братства народов.

Слава братьям балтийцам! Слава героям-революционерам!"

Это приветствие областного с'езда советов вселило новую уверенность в нарастающие силы пролетарской революции и еще больше подняло революционно-боевое настроение моряков.

VII. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Несмотря на саботаж и противодействие соглашательского ЦИК'а, делегаты на 2-й Всероссийский с'езд советов начали прибывать в Петроград. Видя неизбежность с'езда советов, а вместе с ним и своего конца, Временное правительство решило перейти в наступление. Оно начало стягивать в Петроград юнкеров, ударников и казаков.

К 24 октября на с'езд прибыло 475 делегатов, из них 335 большевиков. Таким образом, вопрос о власти был предрешен, и Временное правительство начало поход против революционных организаций. Были опечатаны наши партийные газеты «Рабочий путь» (выходивший вместо «Правды») и «Солдат» (выходивший вместо «Солдатской правды»), и замышлялся разгон Петроградского совета. В связи с этим Петроградский совет выпустил воззвание, в котором говорилось:

„Контрреволюционные заговорщики перешли ночью в наступление. Замышляется предательский удар против Петроградского совета. Газеты „Рабочий путь“ и „Солдат“ опечатаны. Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского с'езда советов“ и т. д.

Это воззвание нашло живой отклик на фабриках, заводах, кораблях и казармах. Силы революции были уже готовы и ожидали только приказа революционного комитета. Прошло несколько часов, и приказ военно-революционного комитета был опубликован. В приказе говорилось следующее:

„Все гарнизоны, охраняющие подступы к Петрограду, должны быть в полной боевой готовности.

На станциях железных дорог выставить усиленные караулы.

Не допускать к Петрограду ни одной воинской части, которая не известна заранее преданностью революции. Навстречу эшелонам выслать агитаторов, которые должны раз'яснить направленным частям на Петроград, что их хотят превратить в оружие корниловцев. Эшелоны, не поддающиеся воздействию, задерживать силой. Действовать твердо и осмотрительно, а где нужно, беспощадно. Обо всех передвижениях войск немедленно доводить до сведения военно-революционного комитета.

Революция в опасности, но силы ее неизмеримо выше, чем силы ее врагов. Победа обеспечена".

Во исполнение приказа ревкома Кронштадтский исполнительный комитет постановил: выслать на подступы к Петрограду, в Морской канал, линкор «Заря свободы». В задачу этого корабля входило: охранять пути, ведущие к Петрограду с моря и по железной дороге; через станцию Лигово, и держать под угрозой обстрела Лиговский район на случай продвижения через него противника. По постановлению совета, я был назначен комиссаром «Зари свободы», и мы вечером 24-го снялись с якоря и ушли в Морской канал. К рассвету 25 октября мы заняли позицию при входе в Морской канал, выставили заставу с пулеметом на станцию Лигово и выслали два катера

с пулеметами для наблюдения за водным районом: один по направлению к Лахте, а другой к Лигову; в обязанность последнего входило держать связь с заставой.

25-го утром Кронштадтский совет выставил свои отряды в Петергофе и Ораниенбауме; кроме того, в распоряжение ревкома в Петроград был послан сводный отряд моряков, солдат и красногвардейцев. Пришедший накануне в Кронштадт минный заградитель «Амур» был использован в качестве базы сводного отряда и места пребывания штаба отряда.

Комиссарами в сводный отряд были назначены тт. Линяев, Севрюков, Степанов и Фортученко. Общее командование отрядом было возложено на начальника кронштадтской городской милиции тов. Иванова. Помощниками к нему были назначены тт. Смирнов П. И. и Гримм.

В самый кратчайший срок постановление Кронштадтского совета было распространено по всем воинским частям, кораблям и командам. Всю ночь с 24 на 25 октября Кронштадт представлял собою военный лагерь: чистили винтовки и пулеметы, распределяли патроны и ручные гранаты, запасались продовольствием и шли на сборные пункты. На сборных пунктах выдавали медикаменты и перевязочные средства. Все отчетливо сознавали, наученные горьким опытом июльских событий, что идут не на прогулку, а для решительной схватки с озверевшей контрреволюцией.

Отряд за отрядом подходили матросы, солдаты и красногвардейцы к пристани. Садились на суда с пол-

ной верой в силу пролетарской революции, давая заверение остающимся товарищам в том, что из Петрограда они не вернутся до тех пор, пока не будет свергнуто Временное правительство и не установится советская власть. Погрузились на корабли, раздались мощные звуки пролетарского гимна, ставшего отныне гимном Советской республики, и бодрые веселые кронштадтцы отошли от своих берегов, направляясь в Петроград. Свыше десяти тысяч преданных делу революции бойцов пошли победить или умереть в борьбе за власть советов.

25-го утром кронштадтцы высадились на набережных реки Невы и приступили к систематическому овладению Петроградом. Отряды кронштадтцев заняли мосты через Неву, Смольный институт и Петропавловскую крепость.

К вечеру моряки заняли Мариинский дворец, в котором заседал «совет республики». Когда моряки вошли во дворец, там происходило заседание, на котором председательствовал правый эсер Авксентьев. Моряки предложили ему очистить дворец. Он весьма растерялся и попросил разрешения посоветоваться с президиумом. Начальник отряда разрешил ему сделать совещание, но предупредил, чтобы совещались поскорей, и приказал взять под охрану все телефоны.

Через несколько минут «совет республики» решил разойтись, и его члены поспешили покинуть дворец, который перешел в руки кронштадтцев.

Затем началась подготовка совместно с частями петроградского гарнизона и Красной гвардией к атаке Зимнего дворца. Моряки заняли дворцовый мост и

расположились вокруг Зимнего дворца, готовые к штурму, ожидая лишь приказа военно-революционного комитета.

В Зимнем дворце находилось Временное правительство; под охраной юнкеров и ударного женского батальона, вооруженных до зубов пулеметами и ручными гранатами.

Вечером был получен приказ военно-революционного комитета взять Зимний дворец. Моряки повели наступление со стороны Дворцового моста, от Адмиралтейства и от главного штаба. Пьяные юнкера, находившиеся с пулеметами за штабелями дров, сложенными около Зимнего дворца на Дворцовой площади (ныне площадь Урицкого), открыли ураганный огонь по наступающим цепям. Несколько моряков было убито и ранено. Это обстоятельство еще больше ожесточило моряков, и они, не щадя жизни, бросились в яростную атаку. В ответ на пулеметный огонь со стороны моряков полетели ручные гранаты, которые, разрываясь в дровах, навели панический ужас на храбрых защитников Временного правительства, и они, побросав пулеметы и своих убитых и раненых товарищей, постыдно бежали в стены Зимнего дворца. Моряки машинной школы, потеряв убитыми восемь товарищей, ворвались вслед за ними в Зимний дворец, из окон которого «ударницы» бешено метали ручные гранаты.

Одновременно с набережной Невы группа моряков во главе с тов. Титовым ворвалась тоже в Зимний дворец, но их окружили юнкера. Нашим товарищам грозила смерть, если бы тем временем

со стороны казарм Павловского полка не ворвалась третья группа солдат, моряков и красногвардейцев, которая вызвала замешательство среди юнкеров. Вошедшие с площади моряки машинной школы освободили своих товарищей. Полковник, стрелявший из револьвера в моряков, был немедленно убит на месте. Юнкера стали бросать оружие и с поднятыми руками ожидали своей участи.

Соединенными силами кронштадтцев и петроградского пролетариата Зимний дворец был взят. Пала последняя твердыня Временного правительства, а с нею и само Временное правительство. Храбрые защитники, юнкера и «ударницы», со слезами на глазах просили пощады у моряков. «Ударницы» ползали на коленях и просили их пощадить, целовали руки матросам, говоря о том, что их обманули, послав в Зимний дворец. Им говорили, что для них нет другого исхода, как только защищаться до последней капли крови, так как матросы все равно их не пощадят, и что, если они сдадутся матросам, то те их изнасилуют, а затем убьют. Моряки с презрением говорили «ударницам»: «Бросьте хныкать, никому вы не нужны, одевайте свои юбки и катитесь на все четыре стороны». Но «ударницы», боясь выходить из Зимнего дворца в своем обмундировании, просили отправить их куда-нибудь на ночлег под конвоем. Тогда их направили в Петропавловскую крепость.

При переходе через Троицкий мост некоторые из ударниц пытались броситься в Неву, будучи не в силах перенести своей позорной сдачи большевикам.

Из министров Временного правительства были арестованы в Зимнем дворце: Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин, Маслов и Салазкин. Два последние, как меньшевики, были отпущены на свободу, а остальные были отправлены в Петропавловскую крепость.

По дороге в крепость на Троицком мосту подошел какой-то броневик и стал стрелять по конвою; некоторые из арестованных пытались бежать, но им было приказано ложиться, и как только конвоиры залегли на мосту и дали залп по броневику, последний немедленно скрылся.

После того как Петроград был окончательно занят революционными войсками, образовалось советское правительство в лице Совета народных комиссаров.

К красной столице подошли обманутые Керенским казаки под командованием генерала Краснова. Против сил Керенского и Краснова были двинуты наскоро сколоченные батальоны Красной гвардии, а также кронштадтские и балтийские матросы. Когда кронштадтцы прибыли в Пулково, казаки уже подходили к деревням Большое Кузьмино и Сузи. Однако занять эти деревни им не удалось, потому что они были заняты нашими моряками. Вот как генерал Краснов в своих мемуарах «На внутреннем фронте» описывает попытку казаков овладеть деревней Сузи:

„Сотня оренбургских казаков с беззаветной лихостью развернулась в лавину и ринулась на деревню Сузи, занятую моряками.

Правее Сузи, вне поля атаки, целые толпы черных фигур в беспорядке кинулись бежать. Но это были красногвардейцы. Матросы стойко оставались на местах. Донцы-пулеметчики

бегом побежали вперед, чтобы помочь оренбургской молодежи пулеметным огнем.

Еще секунда напряженного волнения. Видно, как под выстрелами едва не в упор падают люди. Командир сотни убит, и сотня—кто верхом, кто соскочив с лошади, пешком—побежала назад. Освободившиеся от всадников лошади, задрав хвосты, метались вдоль фронта и падали, сраженные пулями матросов.

Эта неудачная атака была очень невыгодна для нас. Она показала стойкость матросов".

Так пишет наш классовый враг, генерал Краснов, ведший на Петроград казачьи полки для свержения власти советов. Оказалось, что беззаветная храбрость красновских молодцов напоролась на пролетарскую революционную стойкость кронштадтских матросов и рассыпалась, как песок.

В довершение ко всему этому на пулковской горе появилась кронштадтская артиллерия, переброшенная сюда с форта «Ино». Это повлияло не только на передовые цепи казаков, но и на тыл генерала Краснова.

Вот что он пишет по этому поводу:

„Ко всему этому, на пулковской горе матросы установили морское дальнобойное орудие и начали обстреливать мой тыл, бросая снаряды вдоль шоссе по коноводам. Снаряды долетали и до Царского Села. Это начало влиять на царскосельский гарнизон. Во всех полках начались митинги.

Наши батареи замолчали и без приказа стали отходить назад. Матросы, не сдерживаемые артиллерийским огнем, перешли в наступление. С большим искусством они стали накапливаться на обоих флангах. Не только Кузьмино было занято ими, но они выходили уже на Варшавскую железную дорогу, на царскую ветку и приближались к станции Царское Село, выходя мне в тыл".

Генерал Краснов, не скрывая своего поражения, более об'ективно описывает бои под Пулковом; но авантюрист Керенский и здесь не перестает лгать. Описывая свое наступление на Петроград в своей брошюре «Гатчина» он пишет:

„Пулковские высоты были заняты кронштадтскими матросами, как оказалось, прекрасно вышколенными германскими инструкторами".

Наглый лжец, говоря о немецких инструкторах, стремится прикрыть свою трусость и оправдать версию о «немецких шпионах», работавших в Кронштадте. Дальше он пишет:

„Правый фланг большевиков держался крепко. Здесь дрались кронштадтские матросы с их германскими инструкторами. В рапорте, поданном мне генералом Красновым, прямо говорилось, что матросы сражались по всем правилам немецкой тактики и что среди них были взяты в плен люди, не говорившие ни слова по-русски".

Эта гнусная ложь опровергается самим генералом Красновым, который, как уже упоминалось впереди, описывая стойкость и искусство моряков в маневрировании, ни слова не говорит о немецких инструкторах. В довершение ложь Керенского разоблачается еще и тем, что он пишет о взятых якобы в плен матросах, но как это могло случиться, когда генерал Краснов откровенно признает, что казаки из-под Пулкова удирали без оглядки?

После ликвидации красновского наступления на Петроград, по постановлению советского правительства, было решено послать сводный отряд моряков и солдат на помощь московским товарищам, геройски сражавшимся с юнкерами в Москве. Я был на-

значен комиссаром по формированию эшелонов для отправки войск в Москву, а затем комендантом бронепоезда и морского отряда.

В состав сводного отряда входили: морской отряд в 1000 человек под командой тов. Ховрина, пехотный Лодейнопольский полк из Гельсингфорса под командой полковника Потапова, отряд бронеавтомобилей, бронепоезд, вооруженный путиловскими рабочими в течение двух дней, один танк и батарея Константиновского артиллерийского училища. Общее руководство всеми соединенными силами было возложено на товарищей Еремеева, Раскольникова и доктора Вечера. Когда все было готово к отправке, оказалось, что с бронепоезда сбежал машинист. Мы стали разыскивать другого машиниста, но все было напрасно, так как саботирующий Викжель (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников) не давал нам ни одного человека. Наконец тов. Раскольников нашел одного товарища, бывшего машиниста, который согласился вести наш бронепоезд до самой Москвы бессменно, только просил, чтобы дали ему хороших помощников из числа моряков-машинистов.

Таким образом, наш отряд был окончательно сформирован и вышел из Петрограда на Москву. 29 октября ночью, по приходе на станцию Тосно, мы узнали, что впереди нас прошел на Москву бронепоезд Ударного железнодорожного батальона смерти, который сражался против нас под Пулковом. Бронепоезд прошел через станцию Дно и направлялся на помощь юнкерам в Москву. Нужно было во что бы

то ни стало задержать этот бронепоезд и не допускать его до Москвы. Командование нашего отряда отдало по всей линии приказание, чтобы задержать белогвардейский бронепоезд, но саботировавшие викжелевцы отдали свое распоряжение железнодорожной администрации о том, чтобы не вмешиваться в происходящую борьбу.

Ударники, узнав о том, что мы их преследуем, стали развивать большую скорость, а у станции Акуловка взорвали позади себя железнодорожное полотно, чтобы тем самым задержать наше дальнейшее продвижение. Однако к нашему приходу путь был починен ремонтными рабочими ст. Акулово, и мы благополучно пришли на станцию. Здесь наше командование категорически, под угрозой расстрела, приказало станции Бологое не пропускать ударников на Москву, и копия телеграммы была послана рабочим депо с просьбой проследить за выполнением приказания.

Рабочие депо станции Бологое не пропустили бронепоезда ударников на Москву; тогда ударники заявили, что они идут на фронт, и попросили перевести их на Полоцкую жел. дорогу. Рабочие ст. Бологое поняли, что это маневр, с тем чтобы пойти на Москву окольным путем. По выходе бронепоезда со станции рабочие дали телеграмму в местечко Куженкино, находящееся на Полоцкой жел. дороге, находящемуся там запасному пехотному полку с просьбой о том, чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению бронепоезда ударников.

Куженкинский гарнизон с честью выполнил возложенную на него задачу. Солдаты разобрали желе-

знодорожный путь на протяжении ряда километров и устроили засаду в лесу на тот случай, если ударники попытаются скрыться в лесу.

Ударный же, выйдя на Полоцкую жел. дорогу, в восьми километрах от ст. Бологое, взорвал позади себя железнодорожный мост, чтобы тем самым остановить преследование.

Когда бронепоезд дошел до разобранного пути, ударники увидели, что они оказались в мешке. Теперь они не могли двинуться ни взад, ни вперед. Видя свое безвыходное положение, командир бронепоезда решил скрыться в лесу, и вслед за ними последовали и другие офицеры. Но находившиеся в засаде куженкинцы изловили всех беглецов и расстреляли их на месте поимки.

Среди ударников началась паника; они не знали что их ожидает, так как господа офицеры постарались им внушить, что гоняющиеся за ними матросы все пьяны и всех беспощадно расстреливают на своем пути.

Тем временем наш отряд пришел на станцию Бологое. Куженкинцы нам сообщили, где находится бронепоезд, и мы решили ночью атаку его, полагая, что ударники окажут нам упорное сопротивление. Для этого мы отправили по Полоцкой жел. дороге отряд моряков и бронепоезд; когда мы дошли до взорванного моста, нам пришлось высадить отряд из вагонов и пойти в пешем строю в атаку на бронепоезд ударников. Нашему бронепоезду было дано задание ждать сигнала и в случае необходимости по сигналу открыть огонь по бронепоезду ударников.

Подойдя вплотную к бронепоезду, мы заметили какую-то толкотню около одного вагона и, прежде чем открыть огонь по ударникам, решили послать парламентеров для переговоров с ними о сдаче. Подойдя к вагонам бронепоезда ударников, тов. Берг, возглавлявший наших парламентеров, предложил ударникам сдаться. Ударники охотно согласились на его предложение. Оказывается, они уже арестовали оставшихся офицеров и все свое оружие собрали в один вагон, приготовив к сдаче. Таким образом, сдача бронепоезда произошла без единого выстрела, а ударники просили, чтобы мы их отправили на фронт.

На захваченный нами бронепоезд была посажена команда моряков. Этот бронепоезд представлял собою довольно-таки солидное вооружение. Паровоз был совершенно покрыт броней, вплоть до колес. Спереди и сзади было по одному бронированному вагону. Каждый вагон состоял из двух- трехдюймовых башен, по одному трехдюймовому дальнобойному орудию в каждой башне; посредине вагона, между башнями, — бронированные казематы для орудийной прислуги и хранения боеприпасов.

Арестованных ударников и батарею Константиновского училища отправили в Петроград, так как с присоединением такого превосходного бронепоезда надобность в батарее миновала. Дальше на Москву пошли уже два бронепоезда, броневой дивизион, отряд моряков и пехотный полк.

По прибытии на станцию Лихославль наше командование получило телеграмму о том, что в Москве борьба кончилась и юнкера сдались. Вместе с тем,

нам предлагалось продолжать свой путь до Москвы для того, чтобы помочь московскому военно-революционному комитету восстановить порядок в Москве и организовать оборону московской области на случай наступления Каледина и Корнилова.

Рано утром 3 ноября наши поезда подошли к московскому Николаевскому вокзалу, и через два часа москвичи увидели грозную демонстрацию вооруженных сил пролетарской революции. Четыре броневтомобиля, танк, тысячный отряд моряков и Лодейнопольский пехотный полк с двумя оркестрами музыки в походном порядке прошли к Московскому совету. Появление на улицах Москвы хорошо организованных воинских частей произвело ободряющее действие на уставший в борьбе с юнкерами московский пролетариат.

Помимо демонстрации, московский ревком использовал наш отряд для чистки Москвы от хулиганских и контрреволюционных элементов, и эту задачу наш сводный отряд выполнил с честью.

По выполнении своей задачи в Москве Лодейнопольский полк вернулся к месту своей постоянной стоянки в Гельсингфорс, а отряд моряков с бронепоездами выступил на Украину против белых банд генерала Корнилова.

Так закончились первые бои революционных моряков против сил контрреволюции. В этих боях Кронштадт и Балтийский флот вписали лучшие страницы в историю пролетарской революции.

Молодое поколение должно учиться стойкости и преданности делу революции у моряков-революцио-

неров, так самоотверженно и упорно боровшихся против об'единенных сил контрреволюции—от социал-предателей до от'явленных монархистов включительно—за власть советов. Моряки всегда шли в бой под звуки „Интернационала" с возгласом:

„Да здравствует власть советов!"

---

30 экз.

47516

СКЛАД ИЗДАНИЙ:
Москва, ГСП 1, Богоявленский пер., 4,
КНИГОЦЕНТР
Отдел Юношеской и Детской литературы